5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 44 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

НОЯБРЬ МОСКВА. Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927

МАНИФЕСТ

Центрального Исполнительного Комитета СССР

Ко всем рабочим, трудящимся крестьянам и красноармейцам СССР

Пролетариям всех стран и угнетенным народам мира

В конце своей речи председатель Совета Народных Комиссаров СССР тов. А. И. Рыков огласил проект манифеста, принятый единогласно сессией.

Приводим полностью заключительную часть манифеста.

На пороге десятилетия Октябрьской революции ЦИК Союза ССР постановляет:

1. В отношении производственных фабрично-заводских рабочих обеспечить на протяжении ближайших лет ПЕРЕХОД ОТ 8-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ К 7-ЧАСОВОМУ РАБОЧЕМУ ДНЮ БЕЗ УМЕНЬШЕНИЯ ЗАРПЛАТЫ, для чего обязать президиум ЦИК и СНК Союза ССР приступить не позже чем через год к постепенному осуществлению этого постановления по отношению к отдельным отраслям промышленности, в соответствии с ходом переоборудования, рационализации фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда.

2. УВЕЛИЧИТЬ по сравнению с прошлым годом АССИГНОВАНИЯ ПО ГОСБЮДЖЕТУ НА РАБОЧЕЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА 50 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ НУЖДЫ РАБОЧИХ ТЕХ МЕСТНОСТЕЙ, КОТОРЫЕ ОСОБЕННО СТРАДАЮТ ОТ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА.

3. В целях улучшения материального положения бедноты и вообще маломощного крестьянства, ОСВОБОДИТЬ ОТ ЕДИНОГО СЕЛЬХОЗНАЛОГА, СВЕРХ ОСВОБОЖДЕННЫХ УЖЕ ОТ НЕГО 25 ПРОЦ. КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ, ДОПОЛНИТЕЛЬНО ЕЩЕ 10 ПРОЦЕНТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ.

4. СЛОЖИТЬ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПО ССУДАМ, ПОЛУЧЕННЫМ ОТ ГОСУДАРСТВА ПО СЛУЧАЮ НЕУРОЖАЯ В 1924—25 ГОДУ, СНЯТЬ НЕДОИМКИ С КРЕСТЬЯНСКОЙ БЕДНОТЫ И ПРЕДОСТАВИТЬ ЛЬГОТЫ ПО НЕДОИМКАМ СЕРЕДНЯКАМ ПО СЕЛЬХОЗНАЛОГУ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ. Дать льготы по недоимкам, штрафам, пеням малоимущим слоям городского и сельского населения. По другим видам обложений обязать ЦИК Союза ССР издать соответствующее постановление ко дню 10-летия Октябрьской революции.

5. ПРИНЯТЬ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЧЕТ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ВСЕХ БЕДНЯЦКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ И ХОЗЯЙСТВ МАЛОМОЩНЫХ СЕРЕДНЯКОВ, для чего ассигновать, сверх сметных ассигнований, предусмотренных по бюджету на 1927—28 год, дополнительно 10 миллионов рублей.

6. Поручить Президиуму ЦИК и СНК Союза ССР разработать закон о приступе к постепенному обеспечению за счет государства лиц престарелого возраста из маломощных слоев крестьянства и внести его на ближайший с'езд советов Союза ССР.

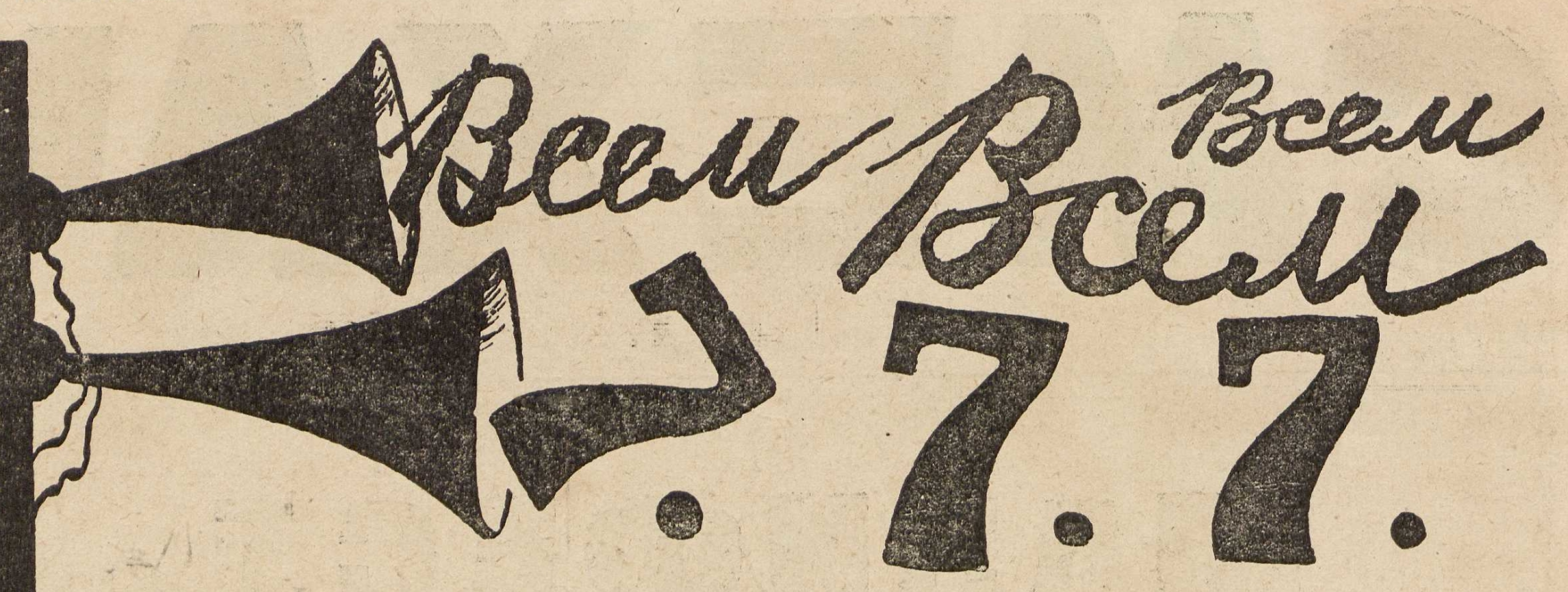
7. АССИГНОВАТЬ дополнительно, сверх сметы, по единому госбюджету на 1927—28 год 15 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ НА ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ДЕРЕВНЯХ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ ПОСЕЛКАХ.

8. Увеличить размер страховых фондов для военных инвалидов не менее, чем вдвое.

9. ИСКЛЮЧИТЬ ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА СОЮЗА РЕСПУБЛИК ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПО ВСЕМ ДЕЛАМ, КРОМЕ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ, ВОИНСКИМ И ВООРУЖЕННОГО РАЗБОЯ.

10 Поручить президиуму ЦИК Союза ССР смягчить установленные судебными приговорами или в административном порядке меры социальной защиты в отношении всех осужденных, за исключением активных членов политических партий, ставящих себе целью уничтожение советского строя, злостных растратчиков и взяточников.

Рис. И. Малютин

Наш праздник прошумел...

Наш праздник прошумел
Знаменами, как осень
Червонною веселою листвой.
Пусть ветер
В страны дальние разносит
Слова,
Окрасившее наше торжество.

* * *

Пусть он звенит
Призывом и протестом.
Он клевету развеет, словно чад.
Пусть пламенеют
Строки манифеста,
На суше и на море прозвучат.

* * *

А мы опять, опять уйдем в работу
Отстраивать свой новый, крепкий дом
Над ним — охраной реют самолеты
Красноармеец ходит под окном.

* * *

Но сколько впереди
Работы и походов:
Над темнотой — победный свет огней...
Мы говорим,
Мужая с каждым годом:
— За десять лет
Мы в десять раз сильней!

А. Жаров

КУЛЬТУРА

В вагоне пригородного поезда было полутемно и угрюмо. За окном шел ранний снег, мокрый, тающий в воздухе, сразу же смешивающийся с грязью.

На частых остановках дверь распахивалась, промозглый, пронизывающий холод проникал в вагон, и колени пассажиров дрожали мелкой и противной дрожью. Человек с подвязанной щекой, сидевший у выхода, вскакивал, страдальчески хватался за щеку и ожесточенно захлопывал дверь.

Через минуту кто-нибудь снова входил, дверь снова раскрывалась, сидящий у двери срывался с места и с проклятиями захлопывал ее вновь.

— Швейцаром заделались! — сочувственно сказал ему пассажир в роговых очках.

— Приходится.

— Еще-бы не приходилось, — словоохотливо начал человек в очках, — Россия же матушка... Ведь вот, десятую годовщину встречаем, электрификации и индустриализации разные проводим, социализм строим, а научились ли мы, скажем, закрывать за собой дверь? Нет, не научились. Нарочно следил: кто бы ни шел, ни один не прикрыл за собой двери. С какой стати? Не ему холодно, а оставшимся. Мы вот Днепростой строим, а дверь за собой закрывать не можем. Без швейцаров, извините, не привыкли.

Или вот — он сделал жест в сторону покрытого окурками и мусором пола: — казалось бы, до чорта пепельниц. Так нет, всякий норовит окурок под скамью бросить.

Да с! Неграмотность ликвидировали, политграмоту проходим, а научились ли мы, спрашивается, шею мыть?

— А во всем остальном, — не унимался человек в очках: — невежество, дикость, азиатчина... С большим кое-как справляемся, вот машины, и те как-будто выучились сами строить, а умеем ли мы пользоваться уборной? Чихнуть, и того по человечески не умеем.

— Да-с, — вернулся он к первоначальной теме: — десятилетний юбилей празднуем, мировыми достижениями хвастаемся, а чтобы дверь запереть, так для этого нам не десять, а может быть все сто лет надобны...

— Однако, — человек в роговых очках приплюснул лицо к стеклу и сразу заторопился: — уже Загуляевка. Пора выходить!

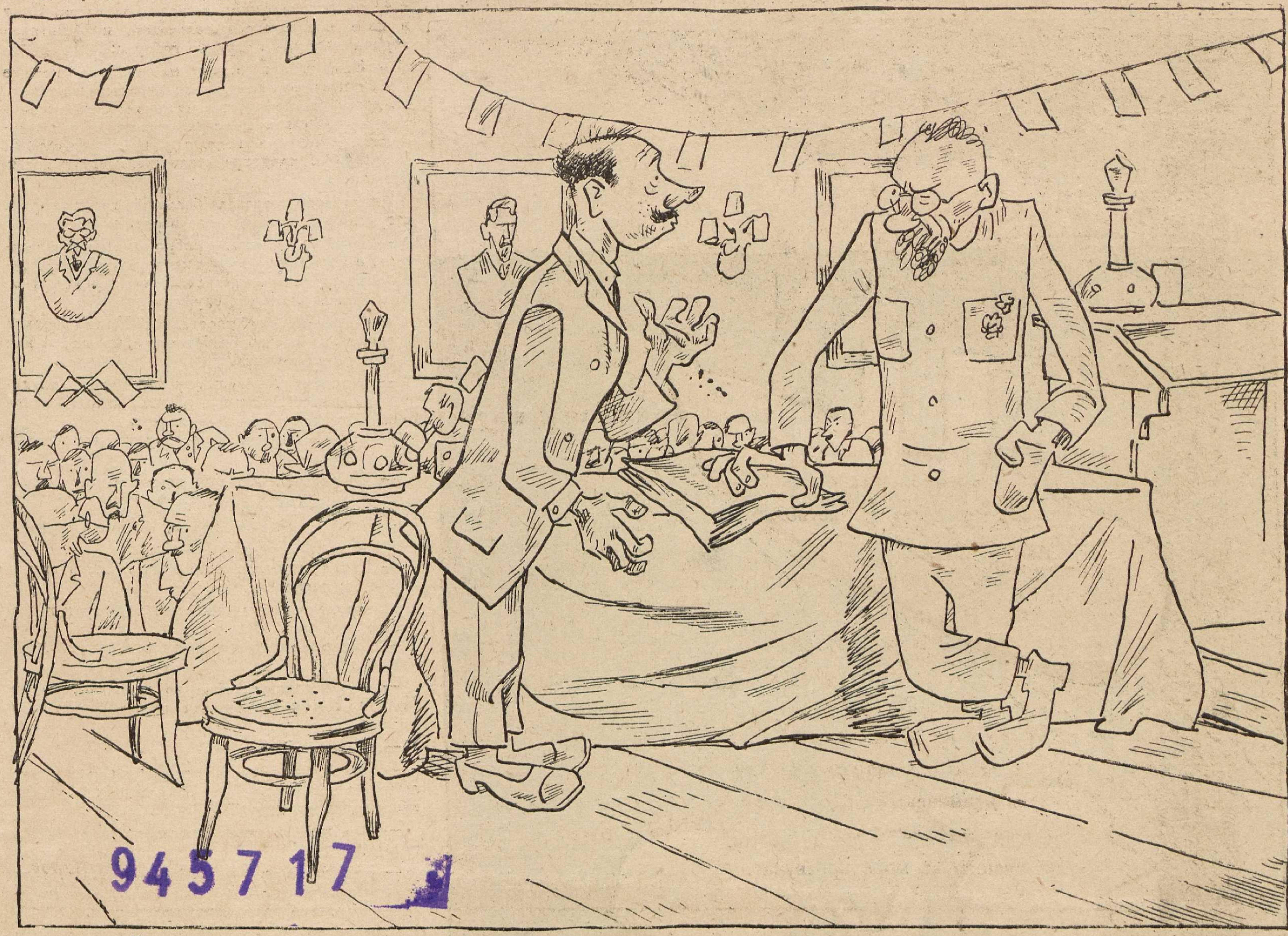
Он подхватил какой-то сверток, бросил на пол окурок и быстро сошел, оставив за собой... настежь раскрытую дверь.

И. Свэн

АУДИТОРИЯ СО СТАЖЕМ

Рис. Б. Антоновского

— Вы меня извините, товарищ председатель: я не совсем приготовился к докладу.
— Неудобно, дорогой товарищ: публика уже приготовилась ко сну.

ТРИ ОКУРКА

Любопытно бывает иногда распутать клубок жизни, основываясь только на незначительных мелочах. Мне это удалось.

Зайдя однажды в кабинет директора, когда его самого там не было, я обнаружил в пепельнице три окурка: окурок дорогой толстой папиросы, тоненький окурок, гильза которого была окрашена кармином губной помады, и, наконец, неуклюжий огрызок козьей ножки, наполненной махоркой.

И вот картина, которую нарисовало мое воображение:

Директор за столом. Думает. Вдруг открывается дверь, и в кабинет влетает очаровательная женщина и, улыбаясь, говорит:

— Семен Петрович! У меня до вас дельце. Только обещайте, что отказа не будет.

— Если это только в моих силах, то не будет, Елена Игнатьевна! — приветливо отвечает директор.

Тут женщина вынимает из ридикюля изящный портсигар. Закуривает папироску и предлагает директору. Но он, увы, такие слабые не курит. У него свои излюбленные. Он закуривает свою. А дельце у женщины пустяковое. Хочет получить местечко счетовода. Это в силах директора. Обещал. Быстро летит тоненькая папироска в пепельницу, и женщина испаряется.

Через минуту директор вызывает к себе счетовода из бухгалтерии. Неважный вид у этого счетовода! Настолько неважный, что директору даже жалко его. И из жалости директор предлагает счетоводу одну из своих толстых папирос. Но счетовод боится разорить директора. Счетовод говорит:

— Покорно благодарю-с!—Не стану вас обижать-с! Лучше уж я махорочку сверну-с!

Свернул. Робко закурил. А директор как раз бросил свой окурок и спокойно сказал:

— Тов. такой-то! Придется нам с вами 15-го расстаться. Сокращение аппарата. Но вы не отчаивайтесь. Сейчас не так уж трудно устроиться дельному человеку.

— Гм! Кхе-кхе!—кашляет счетовод, будто поперхнувшись дымом, и тихо опускает „козью ножку" в пепельницу. Через минуту в кабинете его уже нет. Вот и вся картина.

* * *

— Плод больного воображения! — скажет читатель. — Нельзя по окуркам распознавать события!

Что-ж, я не спорю. Действительно, не всегда это можно. Но в данном случае картина верна. На все 100 процентов верна! Я это знаю не только по окуркам, а еще по тому, что сокращенный счетовод — это, к сожалению, я сам, и по тому, что Елену Игнатьевну я увидел 15 числа на моем месте в бухгалтерии у окна справа. Она знакомилась с ведомостями, любовно составленными мною за два дня до сокращения.

М. Коварский

МЫ ВЕРНЕМСЯ!

К десятилетию Октября в СССР отправилось много рабочих делегаций. Социал-демократы старались их удержать.

Рис. А. Радакова

1 МЕНЬШЕВИК: — Не беспокойтесь, — они скоро вернутся!
2 МЕНЬШЕВИК: — Вот это-то более всего нас и беспокоит!

ОБРАЗЦОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Инструктор культотдела обследованием деревни Куцые Липки остался недоволен. Сидя в избе председателя сельсовета и обжигаясь горячим чаем, он сердито говорил:

— Это, товарищи, ни на что не похоже Избы-читальни нет, газет не выписываете, школа на дрова растаскивается, самогон чуть ли не в каждой избе гонят, неграмотность не ликвидирована, и всякую неделю у вас престольный праздник с членовредительством. Чорт знает, что такое!

Инструктор отрезал большой кусок пирога с грибами и отправил его в рот.

— Клуб у нас есть,— робко заметил председатель, с уважением глядя в инструкторский рот.— Клуб из церкви переделали. Пение хоровое учим, песни всякие, лекции слушаем.

— Из церкви клуб переделали? У вас в деревне большое количество безбожников, что ли? А как к этому поп отнесся?

— Батюшка Афанасий у нас первая на деревне личность, он у нас в клубе и лекции читает, и хоровым кружком ведает.

— Вот так штука! А часто у вас эти лекции то происходят?

— Да каждое, почитай, воскресенье.

— И много народу бывает?

— Всей деревней ходим, битком церковь набита.

— Какая высокая активность! Непременно отмечу в докладе.

Инструктор вынул записную книжку и начал что-то строчить.

— Какие же лекции читает тов. Афанасий? На какую тему?

— А на разные темы: то из Луки, то из Матвея. Какая на сегодня попадется — тую и читаем.

— Отку-у-да?

— Из Луки, говорю, из Матвея,— по евангелью батюшка читает, не откуда-нибудь. Очень наши мужички довольны.

— Это что же выходит, проповеди читает поп-то?

— Как хошь, назови: хоть проповедь, хоть молитва, либо лекция — однако, с хоровым кружком оно очень благолепно получается.

Инструктор вытер тыльной стороной руки пот со лба.

— Позволь, товарищ, да это, выходит, у вас богослужение в церкви идет!

— Конечное дело, на проверку если взять действительно так..

— Что ж вы мне, товарищ, сказали, что у вас клуб в деревне?

— А у нас так постановлено было на сходе, как вашу инструкцию получили в прошлом году,— церковь считать клубом.

Г. Стэффен.

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

— Говорят, сокращение — несчастье. А я вот, работая в исправдомовской мастерской, с радостью думал: авось по амнистии сократят!..

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ

— А ваш профуполномоченный вчера 118 рублей взносу собрал.

— Откуда вам это известно?

— Я—буфетчик в соседней пивной.

СРЕДИ ПОРТНЫХ

— А ты, Сеня, чьи брюки чинишь?

— Видать, ответработника! Совсем у их зад прозаседался!

ЕДИНСТВЕННО-ВОЗМОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ

— Вот и десять лет протекло, а большевики перед Европой все не склоняются...

— Ну как не склоняются... Еще как склоняются-то... Именительный...— Большевики... Родительный...—Большевиков... Дательный...— Большевикам...

УЖЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ, НО...

Рис. Шемиота

...для них, нижних это еще не высшая мера наказания!

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

Колеса, захлебываясь, стучат и стучат. За окном черная ночь, и прыгают стаями золотые головастики — искры паровоза.

В вагоне мрак. Трясет и кажется, вот-вот, огарок свечи потухнет и станет совсем темно. Пассажиров мало. В нашем купэ четверо. Двое спят на верхних койках. А другие двое — это я и напротив сидящий незнакомец. Он держит свою дынеобразную голову так, как будто у него чирий на шее. Много курит и ежеминутно, поглаживая каштановую бороденку, приговаривает:

— Так-то оно, дела-делишки.

Голос у него приятный и тихий.

— Сегодня десятилетие советской власти. Музыка, красные флаги и речи. На одно электричество сколько денег ухлопают... Так-то оно, дела-делишки. Десятилетие... Кто празднует десятилетие, а вот я лично праздную пятидесятилетие. Так сказать, пятидесятилетний юбилей существования советской власти. Понятно?

— Нет, говорю, непонятно.

— Так-то оно, дела-делишки... Вот, слушайте.

И голос его еще тише и мягче: — Вот, слушайте.

— Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Только советская власть встала на ноги. Помню февраль месяц. Ночь. Стук. Бахтарарах. Кто там? Обыск. Искали, искали. Все вверх дном. Нашли под фикусами золотые часы, портсигар и браслет.

Посадили. Десять лет. Разные амнистии. Третье, десятое. Освободили. Тысяча девятьсот двадцатый. Ночь. Стук. Тахтарарах. Обыск. Нашли: сахару двадцать фунтов — кускового. Белой муки пуд — крупчатки. В самоварной трубе николаевских и керенок. Судили. Двадцать пять лет. Амнистии. Третье, десятое. Освободили. Так-то оно, дела-делишки. Нэп. Живем опять, но не надолго. Перебрался из провинции в Москву. Ильинка. Черная биржа. Вашингтонские. Фунты. Десятки. Караты. И вдруг бац: — Ваши документы? Чем занимались до и после? Какое участие принимали в Октябрьской? Много вопросов, короткий ответ. Три года. Нутека, сосчитайте, сколько это? Итого, как говорится, с посудой.

Десять плюс четвертак, да еще три. Кажись, на всех языках выйдет тридцать восемь. Тридцать восемь лет! Такто оно, дела-делишки.

Теперь дальше. В тысяча девятьсот двадцать четвертом чорт меня дернул переброситься на Северный Кавказ. Хлебные заготовки. Вагоны. Пшеница. Начальники станций. ПЧ. ТЧ. Начальники тяги. Много их там. Одним словом, железная дорога. Не подмажешь, не дадут вагоны. Дал. Взяли. Посадили. Три года. Амнистий меньше. Но в Допр'е, кто работает, засчитывают один день — два дня. Третье, десятое. Но на этот раз и за „третье и десятое“ припаяли еще четыре.

Итак, мы имеем тридцать восемь, да накиньте еще три и четыре. Итого сорок пять. Так-то оно, дела-делишки.

Опять в Москве. Мануфактура. В провинции нет. В Москве есть. Для кооперации — пожалуйста. Частнику нет. Организовали кооператив „Рабочий Пахарь“. Бумаги в порядке. Печать и номер. „Не задерживайте, отпускайте мануфактуру в первую очередь для крестьян и рабочих“. Возили, воз ли. Ревизия. Хорошо еще, что не показательный. Пять лет со строгой. Итого, как говорится, с посудой — пятьдесят лет.

Пятьдесят лет! Это тебе не какое нибудь десятилетие. Так-то оно, дела-делишки... Пятьдесят годков!

Но это тоже пустяк. А то у меня есть приятель, так он еще в прошлом году праздновал свой столетний юбилей. Вы спите?

Свеча потухла. Колеса, захлебываясь, стучат и стучат. За окном—черная ночь и стаями золотые головастики.

Б. Левин

Рис. М. Черемных

В ДНИ ШАХМАТНОГО ЧЕМПИОНАТА

— Отчего у вас, Марья Сергеевна, нет детей?
— Из-за какой-то пешки жертвовать фигурой?! Не согласна!..

ХОЖДЕНИЯ ФЕРАПОНТОВА

1918

— Дрясть! Уф! И вы сюда? Тише, на ухо не наступите.

— Ой! Кто это? Что это вы, батюшка, на живого человека прете.

— Нету, сударыня, такого закону, чтобы на мертвых перли. А, промежду прочим, прошу извинения: подвал, потому и темно.

— Господи! Бужают!.. Царица небесная.

— С мозоли моей сойдите. На тую сторону к соседу встаньте, прошу вас.

— Можно войти?

— Ферапонтов! Куда? Куда? Куда вас несет, Ферапонтов?!.. Нас тут и так тыща!..

1919

— Товарищи! Братцы! Граждане! Пустите, Христа ради! Я Ферапонтов, будем знакомы.

— Куда же прет! Ты бы еще сюда с роялью фирмы Беккер!

— Братцы! Это кивот! Ручной багаж. Я вам табачку за это!..

— Тут братцев нет, — все мешочники! Лезь сам, коли сможешь.

— Не нажимай, не нажимай! Ежель твоя плачь-карта на Чернигов на бухвере, там и пыжжай, а у нутро не жмай.

— Голубчики, да как-же я на одной ноге?.

— На одной ноге можно до Адеста доехать. Я вот на одном пальце на бухвере прошлый раз до Брянска доехал, словно в купэ.

— Ай. Спаси!..

— Кто там?

— А ентот самый... Ферапонтов, что с кивотом... сверзился... прямо на откос.

— С непривычки он. А кивот тут?

— Кивот тут.

— Держи его. В Жмеринке выменяем... Тпру! Вылазь, ребятки,— обыск идет.

1920

— Дрясть! Ну, как?

— Завтра, слышь, в Замоскворечьи по селедке на семью дают.

— А у нас давали кинареечное семя. Полстакана и я уцепил.

— На Красной Пресне, слышь, ловко! Фитиля для лампадок давали да гуталин. По коробке на двор.

— Гуталин,— если его поджарить на кипяченой воде, за паюсную здорово сходит...

— А, гражданин Ферапонтов! Переселяетесь с семейством?

— Что кровать-то несу,— ничего не доказывает. Это я в хвост. На Басманной, слышь, по полвосьмуxе машинного масла давать будут, так думаю очередь занять. А вы как дышете?

— Иду наниматься в Госраспределитель музыкального слуха. Бухгалтером. Говорят,— паек знаменитый: фунт макухи в месяц, осьмуха мыла и собачий ошейник.

— Нет-с, профессор, язык сильно обогатился. Вы прочувствуйте диалог! — Вы куда стоите? — За керосином! — За кем сидите? — За МУУР'ом.

— Рассказывают, что ваша дочка в гартию вступила?

— Вступила, милая, вступила. Их целой партией в концлагерь высылают.

— Куда хвост, граждане?

— Карточки на самоубийство выдают! Ха-ха...

— Ах, на Бронной зубочистки дают, да уж ладно: постою тут...

1921

— Тише, товарищи! Товарищ Ферапонтов речь говорить будет!

— Просим! Ура! Даешь Хирапонтова!

— Товарищи! Маятник мирового империализма подступил к 12 часам горла пролетариата. Еще несколько ударов,— и гранитная скала рухнет без стона на поле брани. Товарищи, встаньте, как один, на повестку дня,— и я должен заявить категорично, что саботаж строго наказуется вплоть. Из центра доносится запрос по поводу действий. И насчет проданного стада баранов, будто я себе присвоил, то это голословный парламентаризм. И если эти слухи будут циркулировать, то ответит по всей строгости законов.

— Урря, товарищ Хирапонтов! Все правильно!..

1922

— Я вам, Марья Петровна, скажу по самой моей чистой совести. Ентот самый ваш домик вы мне продайте, хотя он и национализирован. Напишите мне бумажку, что, значит, со свидетелями и маркой, за 500 тысяч, как оно по себестоимости, а я вам вперед некоторое число фунтов дензнаками, приблизительно полведра. Ну, сто миллионов пивными этикетками. Что?.. Получайте-с...

1923

— Мое почтение, гос... гражданин Ферапонтов... Что у вас?

— Даю доллары. А вы?

— Беру червонцы... Тише, МУУР ходит. Что новенького?

— Что новенького. Отдыхал. Без строгой изоляции дали 5 месяцев.

— Ну, ничего. Вы слышали?

— Тссс... Слышал... Врангель? Да, да, да... Что даете?

— Даю николаевские. Беру золото, червонцы... Если дом есть, скажите.

1924

— Сделайте вашу игру, господа! Заметано. Уберите ваши золотые.

— А слыхали,— Ферапонтов вчера опять сорвал банк! Вы же проиграли, я выиграл, а Ферапонтов получает процент.

— Внимание, граждане. Пред'явите ваши документы, а пока не двигайтесь. Вы что выбросили из кармана, гражданин?..

1925

— Дрясти! Где же тут можно расположиться, коллеги?

— Валяйте на полу. Нары все заняты... За что?

— Ей-богу, не знаю.

— А допрашивали?

— Допрашивали. Говорят: — „Экономическая контрреволюция". А при чем тут... Я же хозяйственник... Директор треста „Красная Вакса" и „Мокако". Ну и другие там дела... Ой! И за что страдаем... За что?

— Гражданин Ферапонтов, к следователю ступайте...

1926

— Совершенно подавать не умеете!! Распустили вас тут!.. Ну, ладно, без разговорчиков-с! Дай шампанского дюжину! Заморозь. Икры свежей. Дамам рябчиков подай... Винограду там, фруктов... К шампанскому устриц пол-ящика пригони...

— Кавалер, желаю станцовать.

— Можно. Нет! Позови цыган сюда,— и оркестр из зала сюда гони. Что? За всех плачу, Ферапонтова знают... А денежки — вот они!.. Эх, девки, получайте по ста... А там видно будет. Может, я с вами последний день гуляю. А завтра...

— Что завтра? Опохмеляться будешь?

— Ежели 40.000 трестовских не хватает, так, знамо, надо опохмел.

— А! Значит, ты растратчик?! Люблю растратчиков. Подари мне 500 рублей на чулки, симпатичный мужчина...

1927

— Вы меня, товарищ, наймите... Ей-богу, польза будет...

— А куда я вас дену?

— Да вот, может, знамя носить на демонстрации. Праздник у нас, 10-летие...

— Да нет... Мы сами носим.

— Ну, может, колоннам дорогу показывать,— по маршрутам...

— Сами мы знаем... Здешние мы все...

— На барабане, может, сыграть марш какой нибудь... Я могу.

— Вот что, Ферапонтов, вы мне надоели. На-те вам полтинник и отвяжитесь.

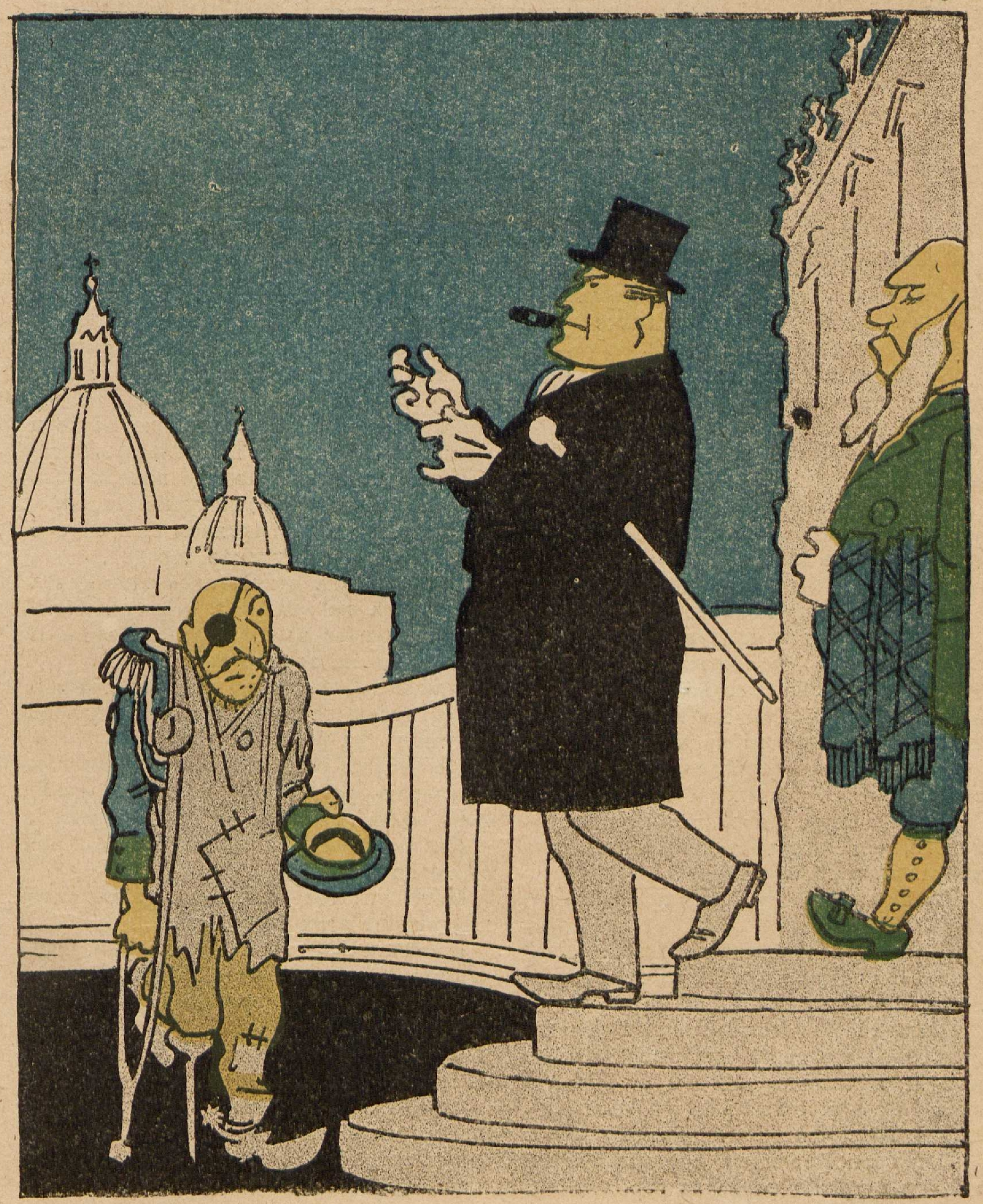
— Зазнались! Десять лет прожили, а коситесь. Давайте рубль-то... обещали, так и давайте...

Терентий Курицын

ВИДНА ПТИЦА ПО ПОЛЕТУ

Рис. Н. Радлова

Болгарский король Борис после визита у английского короля приехал в Италию, сохраняя „строжайшее инкогнито".

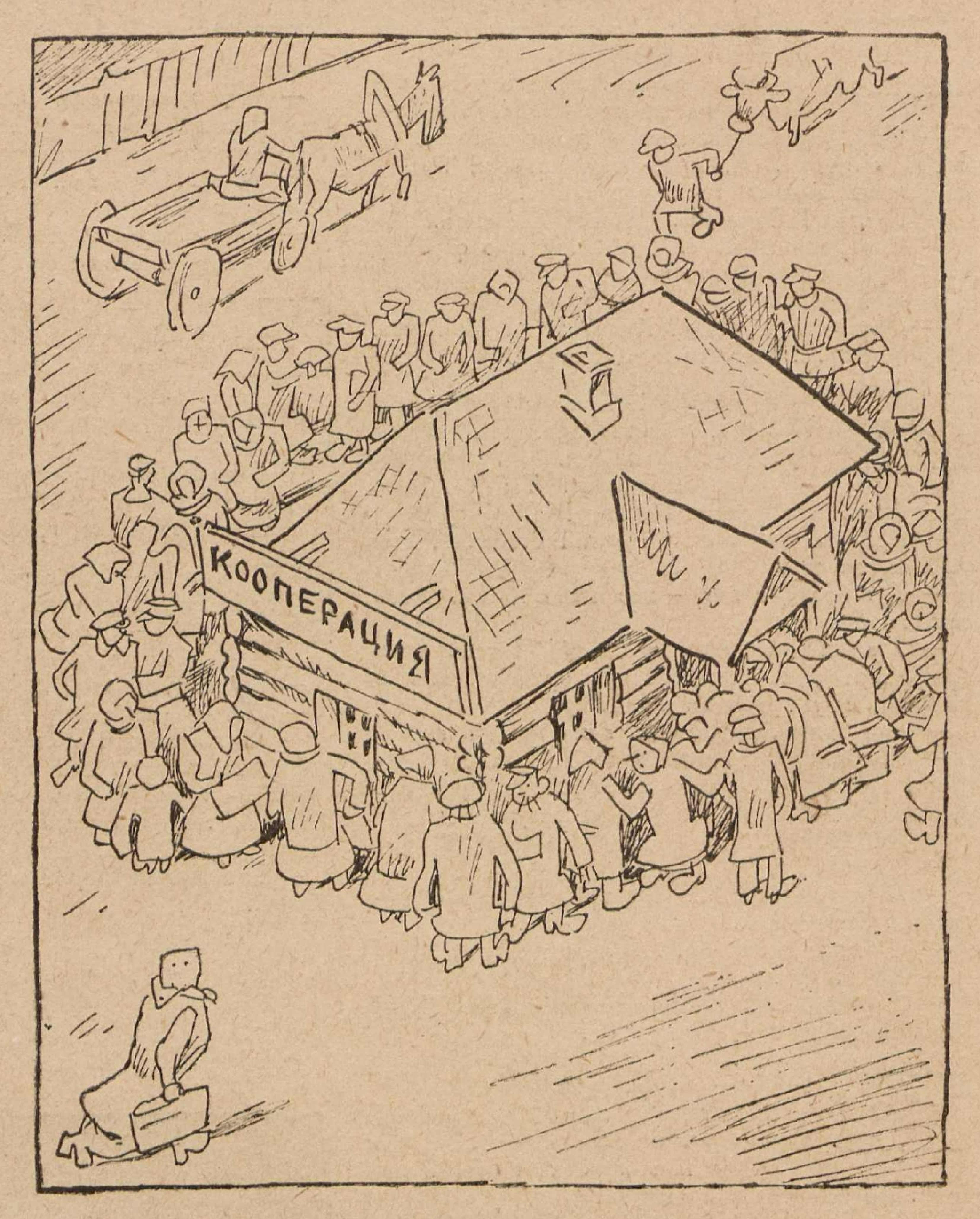
КОРОЛЬ БОРИС: — Помогите несчастному на борьбу с революцией, что милость ваша...

ДВОЙНОЙ ОХВАТ

Рис. Б. Антоновского

Он заявил на собрании членов кооператива:
— „Кооперацией охвачено все население".

Мы со своей стороны можем добавить:
— „А населением охвачена вся кооперация".

МОИ ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Может быть, это чересчур нахально — говорить в эти великие дни о своих мелких достижениях.

На фоне колоссальной работы, проделанной за десять отчетных лет, эти личные достижения — капля в море.

А, впрочем, без капель не было-б и моря.

Капля — море бережет.

Когда я перебираю в памяти все свои достижения, я вижу, что большинство их падает на первые годы революции.

Но это вполне понятно.

Скинув ярмо самодержавия, человек сразу почувствовал особый прилив творческих сил. Обстоятельства и условия новой жизни, как нельзя лучше, содействовали творческим порывам.

Словом, я энергично вступил на путь самых разнообразных достижений.

Каждый день я достигал чего-нибудь нового, чего-нибудь такого, о чем и не мечтал прежде.

Все мои достижения шли под знаком — „без".

Малюсенькое, но красноречивое „без" являлось мощным рычагом творческих достижений.

Помню, в первые же дни, когда в нашем городке перестал действовать водопровод, я изобрел способ „добывания воды без водопровода".

Это было чертовски просто.

Взяв обыкновенное ведро, я шел к речке, что в трех верстах за городом.

Пришлось-таки помучиться с первым ведром.

Оно оттягивало руку. В пояснице что-то подозрительно потрескивало.

Вдобавок, вода наполовину расплескалась по пути. Но так было с первым ведром.

Тысяче-первое я уже тащил легко и молодцевато, напевая Марсельезу. А чтобы вода не плескалась, на поверхность я клал этакую крестовинку из щепок.

Следующим достижением был способ „топить печку без дров".

Брался обыкновенный письменный стол и рубился на мелкие швырочки. Каждый швырочек, в свой черед, тщательно разрезался на тонкие щепки.

При навыке такого швырка хватало на суточную топку, а стол мне удалось растянуть на целые три месяца.

Не менее эффектным достижением я считаю „приготовление конфет без сахара и без муки".

Как все гениальное, и это было просто и хорошо.

Могу, читатель, и сейчас предложить вам рецепт этих конфеток.

Возьмите картофельной шелухи, подсушите, разотрите в порошок. Влейте касторового масла (прием для взрослого), прибавьте сахарину. Накатайте шарики и подсушите на солнце. (Можно и на плите, но солнце дешевле).

Само собой разумеется, что эти конфеты я готовил значительно позже — уже в ту пору, когда стал понемногу жиреть и вообще благодушествовал. В такой момент всегда начинает хотеться чего-нибудь такого-этакого сладенького.

В заключение скромного перечня достижений упомяну еще о способе:

„Курить без денег".

Сначала я пробовал „курить без табаку".

Но ни газетная бумага, ни кусочки письменного стола, растертые „в табачок", не давали иллюзии.

Тогда я придумал ходить на рынок, где добродушные китайцы продавали из мешков махорку.

Стакан — десять миллионов.

Я подходил к ним с наглым видом миллионера, брал табак горстью, нюхал, щупал.

— Шанго табак-ка... Пополебуй! — оскалив зубы, говорил доверчивый китаец.

Свернув собачью ножку и закурив, я мычал с видом разочарования:

— Нет. Плохо.

И шел к следующему.

Каждый обход оставлял в моем кармане около десятка тщательно притушенных, дорогих, славных, изумительных собачьих ножек.

Это ли не ловкое достижение?!

А вот сейчас вспоминаю и вижу: ни к чему все мои мелкие достижения! Устарели, не нужны.

Водопровод действует, дрова есть, леденцы — три на копейку. Папиросы — 25 штук — 27 копеек.

Спрашивается: за что боролся, убивая время на свои личные достижения?!

Ив. Прутков

ПОСЛЕ КРЫМА

Рис. Б. Антоновского

— Поосторожнее, гражданин! Вы мне дали толчок в шесть баллов!

БЕСПРОСВЕТНОЕ СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

...Английский профсоюзный лидер Бромлей заявил, что „предприниматели и рабочие должны составить одну счастливую семью“...

...Крупнейший сталелитейный концерн „Дорман Лонг и К-о“ постановил удлинить рабочий день с 8 до 10 часов.

Рис. Н. Радлова

— Итак, мой друг, вы счастливы! Не правда-ли?..

— Оно, конечно.. Только как-же насчет лишних двух часов?

— Счастливые часоз не наблюдают.

САМОУБИЙЦА

I.

В дверь торопливо постучали. Валя вскочила с дивана:

— Войдите!..

На пороге радостный и улыбающийся стоял Федя.

— Слыхали?! — сообщил он веселым басом.— Еще один мой знакомый повесился — поэт Синт...

Валя охнула и тяжело опустилась на диван, а ее мать широким взглядом уставилась на гостя.

Он снял с гвоздя гитару, сел на стул и смело рванул задумчивый аккорд. Одна из женщин еле выдавила:

— Отчего же это он?

— Сложные переживания, одиночество и нужда! — жизнерадостно ответил гость.

Мать испуганно следила за его движениями.

— Скажите, Федя,—участливо спросила она.—А у вас... тоже... очень сложные переживания?

Федя с жалостью измерил ее взглядом.

— У нас?.. Посложней ваших будет!.. Горишь, известно...

У старушки от испуга затряслась голова, она долго не могла успокоиться.

— Федя,—робко предложила она, — давайте я вам на пальто пуговицу пришью... А то за вами некому последить.

— Ну зачем эта роскошь? — бросил гость,— впрочем, наслаждайтесь!

Она с готовностью схватила пальто, и сухая ее рука быстро заметалась с ниткой.

Молчали. Лирически рыдала гитара. Из-под абажура на пол падали оранжевые блики.

— Федя, — ласково обратилась старушка,— если у вас появятся тяжелые настроения, вы всегда приходите к нам. У нас тихо, мы вам самоварчик поставим, заботиться о вас будем!.. Вечером, ночью, когда хотите, можно, пожалуйста. А если у вас стесненные материальные условия, то я даже могу, — у меня, правда, много нету, — но я скопила... рублей шесть... Всегда... пожалуйста...

Гость неожиданно оставил гитару:

— Ладно.. прощайте!..

— Странный он сегодня... Как-бы чего...

— Загадочный! — прошептала Валя.

II.

Через день в дверь постучали.

— Войдите! — вскочила Валя.

Гость тихо вошел.

— Федя?!. Вот хорошо, а мы сейчас и самоварчик поставим, садитесь!..

Федя взял гитару и тихо тронул печальные струны. Старушка подняла с пола выроненную им книжку.

— Вы увлекаетесь Есениным?—с ужасом поразилась она.

— Нет... Впрочем, в последние дни...

Тяжелое молчание повисло над столом, мягко горела лампа, и самовар свистел грустно, напоминая ветер осени.

— Федя, вот... берите... пожалуйста! —старушка положила на стол деньги.

Гость печально помял пальцами бумажки и, опустив их в карман, сказал:

— Прощайте... Уйду!..

III.

Настал следующий день...

В дверь уверенно постучали. Валя вскочила.

— А а, Федя!. А самоварчик уже готов... Присядьте!..

Гость выпил стакан чаю и, умолкнув, зашевелил в рыдании струны.

— Разладно на сердце...— сказал он—Трудно. За квартиру требуют...

Мать отозвала Валю в корридорчик, там они о чем-то пошептались. Валя куда-то сбегала, а минут через десять Федя печально положил в карман бумажку.

— Гр щайте, завтра опять зайду!..

IV.

И снова через день дверь рванулась и чуть не соскочила с петель. Гость в грязных сапогах устало повалился на кровать.

— Самовар? — зарыдал он.

— Готов...

— Деньги!!

— Вот они...

— Прощайте!.. Чтоб в следующий раз больше было, а то у меня очень сложные переживания!..

V.

И на другой день дверь стремительно распахнулась, Федя ворвался в комнату и... застыл в изумлении: комната была пуста. Напуганные террором жильцы бежали.

Федя поднял с полу спичку, переломил ее на четыре части, растерянно огляделся.

С грустью подумал:

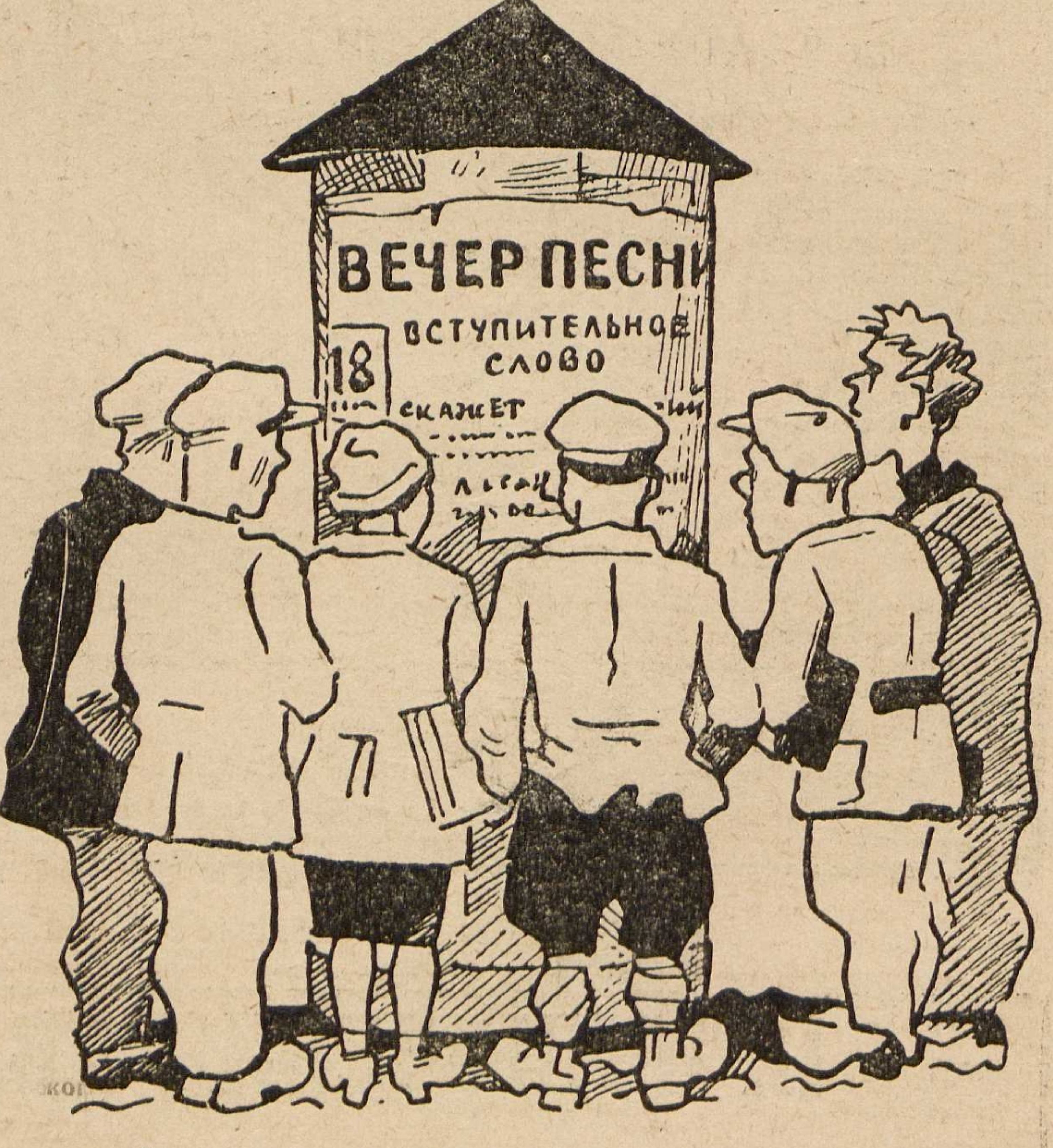
— Нет на земле сочувствия!..

Схватил самовар и вышел...

Иван Рахилло

ПРИМИРИСЬ

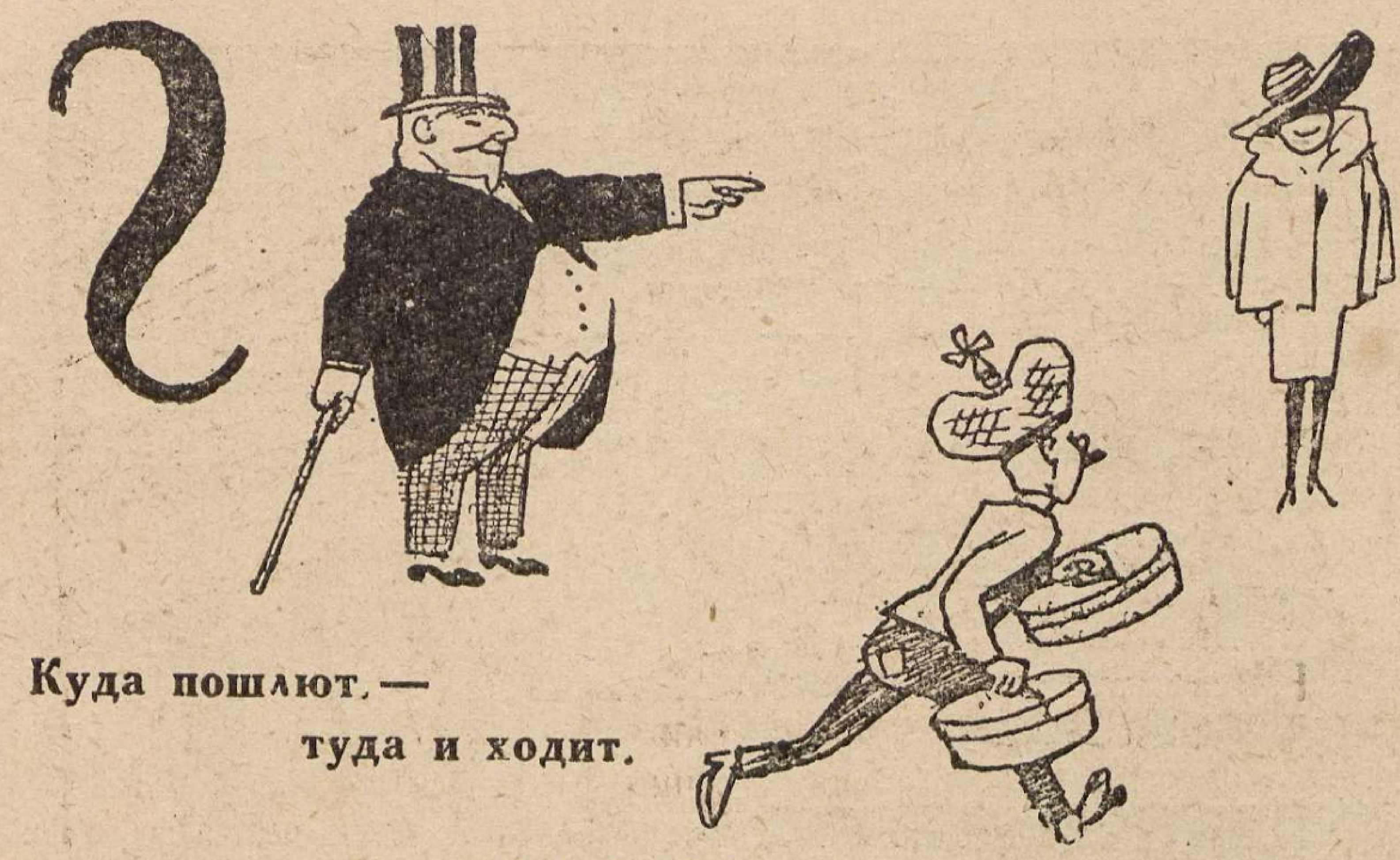
Рис. Н. Р.

— Из песни вступительного слова не выкинешь!

КУДА ЦАРЬ ПЕШКОМ ХОДИТ?

Рис. А. Радакова

Куда пошлют, —
туда и ходит.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Для некоторых, не особенно преуспевающих вузовцев Лев Толстой — „старый хрен в толстовке", а для поэта В. Аврущенко („Комсомольская Правда", № 213) А. Пушкин — не что иное, как лучший... запевало!

От Гурзуфа до Алушты
Воспевал тебя не мало, —
Буйный Пушкин — самый лучший,
Самый первый запевало.

Пушкин не ошибся, когда говорил, что „назовет его" и тунгус и — друг степей — калмык.

В настоящее время, действительно, знают Пушкина и тунгус, и калмык, и даже самоед.

Не знает Пушкина лишь один ... Аврущенко!

*

В „Известиях ВЦИК" (№ 244) поэт Василий Каменский чистосердечно признается:

Мне хочется резвиться
мальчуганом,
Стрелять без промаха
с колена,
Играть, как мячиком,
наганом..

Не играйте, наганом, как мячиком, товарищ Каменский! Это вам не рифма!

*

Отрывок из романа С. Буданцева „Командарм" (изд. ГИЗ, 1927):

Хлынуло, что
шарахнуло, то
рас трескучее, как черепки:
сыпалось грохнуло..

Про этот отрывок можно сказать следующее:

Все это подра
было бы жа
хорошо, ние м
если бы Андрею
не было Белому!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Не с... Лишком ли переусердствовали?

На страницах армавирской газеты „Трудовой Путь" происходит дискуссионная борьба.

В № 223 на одной странице напечатано:

„ПЕЙТЕ ПИВО ТОЛЬКО ЛИШКЕ"

На 2-й:

„ВМЕСТО ПИВА ЛИШКЕ — ДОЛЖНА У КАЖДОГО БЫТЬ СБЕРКНИЖКА".

Повидимому, редакция газеты хватила.. Лишку, печатая одновременно оба эти призыва.

Правая, левая — где сторона?

Слепая кишка в затылке

Минское бюро врачебной экспертизы следовало бы подвергнуть... врачебной экспертизе.

В акте осмотра инвалида Южина среди перечисления болезней значится:

ДАННЫЕ ОБ'ЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
СЛУХ — ОСЛАБЛЕНИЕ СЛУХА НА ЛЕВЫЙ ГЛАЗ.

Об'ективно исследуя самочувствие членов минского бюро врачебной экспертизы, мы пришли к заключению, что у работников бюро наблюдается ненормальный пищеварительный процесс в черепной коробке, вследствии аппендицита затылка..

Киевская надстройка

Язык до Киева доведет... А бывает, что и Киев может довести до такого языка, что слов не подберешь.

Какими, например, слогами можно охарактеризовать этакий киевский номерок:

В настоящее время в Киеве на Базарной площади (бывшая Демиевка), стоит памятник Карлу Марксу.

На пьедестале золотыми буквами выгравировано:

„ОСЕНИ СЕБЯ КРЕСТНЫМ ЗНАМЕНЕМ, ПРАВОСЛАВНЫЙ НАРОД".

С другой стороны пьедестала, под бюстом Карла Маркса, надпись:

„ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ АЛЕКСАНДР 2 Й"

Мы не сомневаемся, что киевские коммунхозцы будут оправдываться, об'яснять все своей рассеянностью, убеждать, что они, конечно, без царя в голове, но мы не поверим им, потому что головы-то у них нет.

Кушайте на здоровье!

„КТО ИЗ ПУБЛИКИ С'ЕСТ ФРАНЦУЗСКУЮ БУЛКУ, ПОВЕШЕННУЮ НА ЛЕНТОЧКЕ, НЕ ПРИКОСНУВШИСЬ К НЕЙ РУКАМИ, ПОЛУЧИТ ПРИЗ 20 р."

Такая лотерея была предложена культработниками Алмазнаского клуба имени Воровского посетителям клуба.

Ясно, что сами культработники заседают, стоя на голове...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Тихвин — Бублику.

Если примете мой рассказ, то я куплю сразу три номера вашего журнала.

Спокойно можете купить шесть номеров журнала, ибо ваш рассказ не пошел и поэтому журнал на прежней высоте.

Полторацк — Тур-де-Бра.

— Почему самоеды так называются?
— Потому, что они с'едают самих себя.

А жаль, что вы не самоед!

Полтава — Агеру.

Куда итти?
Кругом все пусто!
Где мозг согреть?...

Лучшим местом для согревания, по нашим сведениям, является вновь выстроенный в Москве крематорий. Такому мозгу только там и место. Венков можно не возлагать!

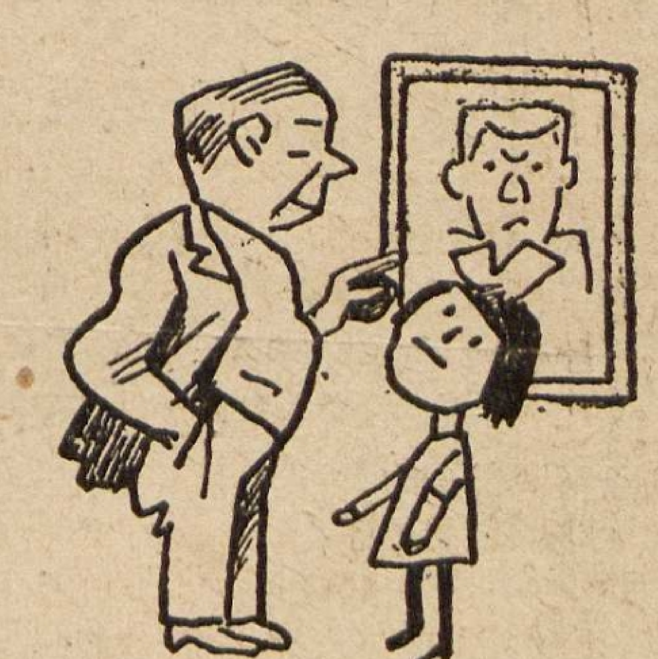
Иланская — Боровихину.

Морозец слегка подмораживал, телега слегка постукивала, и Петька, сидевший на ней, слегка простудился.

У вас слегка страдает рукопись ваша, стиль так-же. Слегка пострадали: Уничтожили!

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Рис. А. Р.

— Папа, а как звали Керенского?

— Никто его не звал. Он сам навязался.

Издатель — «ГУДОК» Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А — 321. Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский п., 11. Тираж 110.000.

ЧЕЛОВЕК, И ЗВЕРЬ, И ПТАШКА...

Рис. И. Малютина

— Дети, в школу собирайтесь:
Петушок пропит давно...